

значений и их оттенков, представляется несущественным и скорее всего является проявлением субъективности: все оттенки значения лексемы *асяроддзе*, данные под номером 1, полностью исчерпываются значениями 2 и 3 лексемы *среда*. Другое же различие, на наш взгляд, действительно является важным и существенным, оно касается употребления лексем *среда* и *асяроддзе* в терминологическом значении 'вещество, обладающее определенными свойствами и заполняющее какое-либо пространство'. Если для русской лексемы *среда* это значение является основным, наиболее актуальным, то в системе значений белорусского слова *асяроддзе* оно занимает второстепенное, хотя и не менее важное, место.

Установить причины такого рода расхождений можно только в результате глобальных исторических исследований в сфере сравнительно-сопоставительной семасиологии двух языков. Что касается различий в семантической структуре лексем *среда* и *асяроддзе*, то в данном случае можно лишь предположить, что терминологическое значение у белорусского существительного *асяроддзе* возникло гораздо позже других значений и, возможно, под влиянием русского соответствия *среда*. Вероятно, этим и объясняется меньшая употребительность белорусской лексемы в специальном значении.

Поскольку не менее важным, чем сопоставление объема семантических признаков белорусских и русских лексем, является учет степени актуальности тех или иных значений в каждой из языковых систем, компонентный анализ, предполагающий разложение значения языковых единиц на семантические признаки, должен сочетаться с анализом внутрисистемных отношений между ними.

¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 276.

² Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950. Т. 1.

С. М. ПРОХОРОВА

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ПРЕДИКАТА И СУБЪЕКТА В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ

В иерархии вертикальных синтаксических полей ¹ синтаксическое поле предиката является основным. Предикат — одна из наиболее трудно-определимых категорий, и, как считает Ю. С. Степанов, «самая несемантическая из категорий», так как с «понятием предиката мы входим в сферу синтактики»². Предикаты — особые семантические сущности языка, которые «типизируются языком не в форме словарных единиц, глаголов, а в форме пропозициональных функций и соответствующих им «структурных схем предложений»³. До сих пор нет единства в определении семантических типов предикатов. Лингвисты выделяют от 3 (У. Л. Чейф) до 24 типов предикатов и субъектов. Таким образом, поле предиката является полицентричным, в нем можно выделить множество микрополей. Нами выделено 5 микрополей (в основу выделения положено типовое значение предикатов, предложенное Г. А. Золотовой ⁴) — микрополе действия, микрополе состояния, микрополе свойства, микрополе квалификации, микрополе квантификации.

Исследуется сравнительно небольшая переходная русско-белорусская языковая зона. Это десять районов Смоленской области, пограничных с Белоруссией. На этой территории, по данным исследователей, сконцентрированы кривичские могильники с длинными курганами. По предположению В. В. Седова, исследуемая нами территория была одним из основных районов расселения кривичей, которое шло с северо-запада, постепенно проникая в верховья р. Сож ⁵. Эта небольшая зона рассматривается на широком славянском и балтийском фоне.

На исследуемой территории поле предиката в основном сформирова-

лось в том же виде, что и в русском литературном языке. При формировании этого поля в описываемых говорах, как и в остальных славянских, большую роль играли категории вида, залога, переходности / непереходности. Предикаты во всех языках и диалектах номинативного строя отличаются достаточной стабильностью. Дифференциальные признаки выявились в основном в ФСП темпоральности либо в отношении предиката к субъекту.

В триаде «действительность — мышление — язык» носитель говора, как и носитель литературного языка, приходит к предложению через суждение, а структуру суждения как пропозициональной функции образуют п-местный предикат и его аргументы. Функционирование большинства предикатов в рассматриваемых говорах в принципе не отличается от функционирования в русском литературном языке. Своеобразие сводится к следующему.

Среди предикатов, обозначающих действие субъекта, выделяется несколько диалектных подтипов, характеризующих отношение предиката, с одной стороны, к субъекту, а с другой стороны — ко времени протекания действия. Усложняется картина взаимоотношением поля предиката с ФСП темпоральности и залоговости.

При субъекте — одушевленном имени в именительном падеже может выступать в качестве предиката так называемый «новый перфект» — неизменяемая форма краткого действительного причастия прошедшего времени, употребляющаяся в значении результативного перфекта в качестве глагольного сказуемого. Форма «нового перфекта» употребляется в рассматриваемых говорах как в активных конструкциях (*Пашо́ушы сын у партиза́ны*), так и в пассивных (*Ана́ у сельсаве́т выбра́йшы*). Чаше форма «нового перфекта» употребляется в активных конструкциях (при форме на *-но*, *-то* в пассивных), но спорадически отмечаются микросистемы, в которых у этих форм фиксируется два типа значений — актив и пассив.

В рассматриваемых говорах формы на *-ши* имеют значение статальное — перфект состояния (*Он приви́кшы*) и акциональное (*Пашо́ушы сын у партиза́ны*). Функционирование этих форм предельно близко к функционированию в псковских говорах (см. работы В. И. Трубинского), чаще всего они функционируют как субъектный результатив, исключительно редко функционирование их в пассивных конструкциях от транзитивов. Составленная И. Б. Кузьминой карта распространения конструкций на *-ши* на восточнославянской территории⁶ свидетельствует о том, что данная балто-славянская новация полностью охватывает территории, в прошлом заселенные кривичами и радимичами, и выходит за ее пределы.

В говорах Зап. Смоленщины представлен и результат очень древнего, хотя и более позднего, как считают исследователи, развития перфекта — «результативный перфект»: *У мяне́ звáрина*; *У мяне́ кúплина*; *У мяне́ набóплина*. В исследуемых говорах повсеместно представлена разновидность результатава, называемая отдельными исследователями «посессивным перфектом» (см. работы Ю. С. Маслова, Ю. П. Князева и др.). Субъект при «посессивном перфекте» выражен родительным падежом одушевленного имени с предлогом *у*. Форму «посессивного перфекта» имеют только транзитивы. Это сравнительно широко распространенная балто-славянская новация, представленная на русской, белорусской, украинской⁷, а также на литовской территории.

При субъекте — неодушевленном имени в творительном падеже предикат выражен, как в большинстве русских говоров, формой среднего рода I-причастия, что объединяет данные говоры с русским литературным языком. В основном на рассматриваемой территории употребляются конструкции типа *Бу́рый вы́рвэла де́рива*. Ареал распространения таких явлений на восточнославянской территории картографирован И. Б. Кузьминой⁸. Предикаты в данных конструкциях являются также результатавами, но конструкции в целом обозначают нерегулируемые стихийные

процессы или явления природы. По мнению исследователей, конструкции с 1-причастием являются наиболее продуктивными в русском языке, новация распространялась с востока.

На исследуемой территории (чаще на севере) спорадически встречаются бессубъектные конструкции со значением неопределенно-личным или обобщенно-личным типа *Говóрено, что ... Писано, что ... Стрòено было*. Эти конструкции разбросаны, сплошного ареала они не образуют даже на небольшой, как исследуемая нами, территории. Это свидетельствует скорее в пользу реликтового характера конструкции. Продуктивны такого типа конструкции на литовской и польской территориях.

Описанные особенности выявляются в микрополе действия, в котором и представлено больше по сравнению с другими микрополями диалектных черт. Ареалы распространения описанных диалектных явлений очень большие. Исследуемая территория включается, таким образом, в крупные ареалы.

Диалектные особенности также отмечены на периферии микрополя состояния и в микрополе квалификации. В небольшом количестве микросистем функционируют формы на *-ши*, выражающие, кроме результативного, еще и старое медиальное значение. В качестве субъекта выступает неодушевленное (редко одушевленное) существительное: *Хáта разрушóмши* (=разрушилась); *Анá пастрои́шши*; *Крѣвáть развали́шши*. В составе микрополя квалификации на западе исследуемой территории выступает балто-славянская новация широкого распространения, конструкция типа *учи́ться за тракториста*.

Диалектные отличия, таким образом, отмечены в микрополе действия, на периферии микрополя состояния, в микрополе квалификации. Не отмечены отличия в микрополях свойства и квантификации. В нашем материале зафиксированы также полипредикативные конструкции типа *Систра́ зарéзэна ляжби́ть*; *Пя́тыя дачка́ умёрла нявэ́ста*. Четкий ареал распространения таких конструкций не выявляется.

Особенностью вертикального поля предиката является отсутствие диалектных черт узкого распространения. Исследуемая территория включается в широкий то западный, то восточный ареал. Поле предиката характеризуется тем, что диалектные особенности в основном выявляются на пересечении микрополя действия с ФСП темпоральности. Отмечена тенденция к детализации выражения темпоральных отношений в определенных синтаксических конструкциях на больших территориях, в которые включается исследуемая зона⁹.

Поле субъекта также полицентрично. Субъект так же полисемантичен, как и предикат. Поле субъекта теснейшим образом связано с полем предиката и полем объекта. Более того — субъект и объект предопределены предикатом, характер грамматического предиката определяет характер грамматического субъекта, на что указывал еще А. М. Пешковский.

Несомненно, предикат, субъект, объект, различные обстоятельства существуют в языке мысли. Дж. Лакофф относит это к лингвистическим гештальтам. «Быть подлежащим (грамматическое свойство) сочетается со свойствами: намеренность, управление... основная ответственность (семантические свойства)». Последнее свойство — основная ответственность — Дж. Лакофф считает самым важным из семантических свойств подлежащего: «Свойство **основная ответственность** отходит к глубинному подлежащему»¹⁰.

В силу семантической сложности поля в нем можно выделить множество микрополей. Вслед за Г. А. Золотовой мы выделяем 8 микрополей: субъект-действователь (агентивный), субъект-посessor, субъект состояния, перцептивный субъект, компаративный субъект, квалификативный субъект, функтивный субъект, социативный субъект. Диалектные отличия не отмечены в выражении компаративного, квалификативного, функтивного, социативного субъектов. Агентивный субъект, как и в литературном языке, выражается именительным падежом, но особенностью

рассматриваемых говоров является наличие переходных типов между агентивным субъектом и субъектом-посессором. В микрополе агентивно-го субъекта возможны конструкции типа *У некоторых говорят* (= Некоторые говорят), а также *У мянэ усё звэрина*.

В микрополе субъекта-посессора преобладает *у* + родительный падеж, но чаще, чем в литературном языке, выступает старый дательный. Дательный чаще, чем в литературном языке, функционирует и в микрополе субъекта состояния (конструкции типа *Мне тярпíма*). В микрополе перцептивного субъекта преобладает субъект в именительном, что отличает данное микрополе от русского литературного языка. На описываемой территории широко распространены конструкции типа *Дачкă снить сон*; *Дачкă вíдить сон*; *Ахóтник слýшыть шум*. Глагол в приведенных конструкциях утрачивает медиальное значение, сохраняемое в литературном языке, т. е. значение процесса, который развивается в самом субъекте. Тем самым глагол приобретает значение активное, чему способствует транзитивность, а сама конструкция становится субъектно-объектной с именительным субъекта и винительным объекта. В то время как в русском литературном языке часто сохраняется типичная для старого перфекта конструкция с дательным субъекта, восходящим к субъекту состояния.

Генитив с предлогом *у* в функции субъекта — восточная (русская) новация, захватившая и часть белорусских и украинских говоров, хотя в последних часто функционирует старый дательный субъекта. Очевидно, появление этой формы связано в восточнославянском ареале со становлением категории одушевленности/неодушевленности. В функции субъекта, выраженного *у* + родительный падеж, всегда выступают имена одушевленные. Субъект *у* + родительный падеж в описываемых говорах полисемантичен: деятель, посессор, деятель + посессор, посессор + локальность.

По характеру выражения посессивных отношений изучаемую территорию можно отнести к более древним Е-языкам. Как известно, на основании выражения посессивных отношений языки делятся на Е-языки, использующие конструкции с глаголом *esse*, и Н-языки, использующие конструкции с *haben*. Сохраняя древнюю посессивную конструкцию с глаголом *быть*, как большинство русских говоров и литературный русский язык, рассматриваемые говоры, как и остальные русские и часть украинских и белорусских, используют в качестве субъекта новообразование — родительный падеж с предлогом *у*: *У яé йось дачкă*; *У йих там хата*. Рассматриваемые говоры по характеру употребления этой конструкции включаются в большой восточный (русский) ареал.

В результате совмещения перфектного и посессивного значений в русском литературном языке и в русских говорах образовалась полисубъектная конструкция: *У меня голова болит*. Параллельно с нею в части микросистем функционирует конструкция с древним дательным: *Мне голова болит*. Отмечена и балто-славянская новация: *Моя голова болит* (центр — литовская территория). В Монастырщинском и Хиславичском районах (бассейн р. Сож) есть микросистемы, которым известна только последняя конструкция.

Формой творительного падежа неодушевленного имени (со значением 'не лицо', 'не животное') выражен субъект при предикате 1-причастия: *Бўрый вы́рвэла дэ́рива*; *Яўо убíла мóлний* (возможна типологически совпадающая с литовской: *Мóлния убíла яўó*). Такую модель Ю. С. Степанов характеризует как метафорическую и видит ее семантическую структуру в том, что «нечто неодушевленное действует активно»¹¹. Отмеченная модель соответствует русскому литературному языку и большей части русских говоров.

В качестве субъекта активного действователя на описываемой территории функционируют отдельные существительные, называющие деревья и другие растения: *Авёс узáйў тень*; *Елка увáйшлá у сíлу* и под. В языках активной типологии «к активному классу относятся имена людей, живот-

ных, деревьев и растений»¹², поэтому указанные конструкции можно отнести к пережиточным реликтам черт активного строя.

Как и в поле предиката, в вертикальном поле субъекта не отмечены черты узкого распространения. Но в отличие от поля предиката поле субъекта включает исследуемую зону в основном в русский (восточный) ареал. Отсутствие диалектных черт узкого распространения отличает поля предиката и субъекта от полей объекта и обстоятельств, в составе которых отмечены диалектные явления, распространенные на крайне небольших территориях.

¹ См.: Прохорова С. М. Синтаксическое поле объекта в говорах Смоленщины // Веснік БДУ імя У. І. Леніна. Серыя IV. 1987. № 1.

² Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985. С. 128.

³ Там же. С. 133.

⁴ Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 179.

⁵ Седов В. В. Смоленская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 243.

⁶ Кузьмина И. Б. О некоторых синтаксических явлениях восточнославянских языков // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1982. М., 1985. С. 24—25, карта 2.

⁷ Там же. С. 25, карта 2.

⁸ Там же. С. 26—27.

⁹ В статье поле предиката, как и поле субъекта, рассмотрено только в составе простого утвердительного предложения так называемого информативного регистра. Не рассматриваются суперпредикаты и предикаты текста.

¹⁰ Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. С. 362, 364.

¹¹ Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. С. 323.

¹² Гамкрелидзе Г. В., Иванов В. В. Активная типология праиндоевропейского языка // Известия АН СССР. 1984. № 1. Серия л-ры и яз. Т. 43. С. 14—15.

М. Н. КЛЫГИНА

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦЫ *ведь* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В БЕЛОРУССКОМ

Изучение семантико-синтаксических функций частицы *ведь* около двух десятилетий привлекает внимание исследователей. Однако, несмотря на наличие довольно значительного количества работ, четкого разграничения функций рассматриваемой частицы в лексикографических трудах по русскому языку пока нет. Кроме того, не изучены соответствия частице *ведь* в белорусском языке. Слову *ведь* в зависимости от выражаемой им семантики и функции в предложении (союз или частица) в белорусском языке могут соответствовать частица или союз *жа* (*ж*), союзы *бо*, *хоць*, *ды*, *дык*, вводные слова или же оно вообще опускается.

В качестве материала для исследования нами взяты переводы с русского языка на белорусский повестей и рассказов А. Куприна, романа Н. Островского «Рожденные бурей»; авторский перевод повестей В. Быкова с белорусского на русский и перевод романа И. Мележа «Люди на болоте»¹.

Исследуемый материал показывает, что частица *ведь* нередко употребляется в простом предложении для усиления экспрессивности высказывания в эмоциональной речи или для подчеркивания основного содержания высказывания: «Господи! Да *ведь* он — сумасшедший», — подумал доктор, у которого по спине забежали мурашки, и он принялся успокаивать Боброва. (А. Куприн. Молох.) «Божачка! Дык *жа* ён вар'ят», — падумаў доктор, у якога ажно халадок прабег па спіне, і ён пачаў супакойваць Баброва. (А. Купрын. Малох.)

В этом значении частица *ведь* легко заменяется частицей *жа* (*ж*) и обычно при переводе с русского на белорусский не опускается; при пере-